

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 390 (571.52) +392.1 (571.52)

ОБРЯДОВАЯ ПРАКТИКА ТУВИНЦЕВ: РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА И КОЛЫБЕЛЬ*

RITUAL PRACTICE OF TUVINIANS: CHILDBIRTH AND CRADLE

Е. В. Айыжы

E. V. Ayyzhy

ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл

Аннотация. В статье рассматриваются обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка и первым его «жилищем» – колыбелью, в контексте обрядовой практики тувинцев. Колыбель в традиционных обществах являлась частью духовного и материального быта, способствовавшей установлению социальных связей между членами семьи. Анализ этнографического материала дает возможность проследить общее и различия в обрядовой практике западных и южных районов Тувы.

Abstract. This article considers the customs and rituals associated with the birth of a child and the first «home» – the cradle – in the context of ritual practice of Tuvinians. Cradle in traditional societies was a part of spiritual and material life, contributed to the establishment of social ties between the infant and the family. The analysis of the ethnographic material enables us to trace the overall differences in the rituals of western and southern regions of Tuva.

Ключевые слова: *культура, духовная культура, обычай, обряд, ритуал, этнокультурные различия районов Тувы.*

Keywords: *culture, spiritual culture, custom, ritual, ethnic and cultural differences in regions of Tuva.*

Актуальность исследуемой проблемы. Историческое прошлое тувинского народа мало изучено, минимальны сведения о дореволюционной культуре и быте тувинцев, поэтому данная работа может отчасти восполнить существующие пробелы в этнографии Тувы.

Этническую специфику жизни любого народа можно исследовать по особенностям его быта, культуры, а также семейных отношений и обрядов. Особое место здесь занима-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11-17601

ет обрядовая практика, так как она является одним из источников материальной и духовной культуры этноса. Так, для тувинцев рождение ребенка и колыбель в прежние времена не просто являлись частью духовного и материального быта, а давали возможность укрепления родственных связей.

Наиболее традиционные черты быта тувинцев сохранились в настоящее время в самых отдаленных и труднодоступных районах республики, поэтому там еще жива память о многих верованиях и обрядах, связанных с изготовлением и применением колыбели, в основе которых лежат религиозные архаические представления.

Материал и методика исследований. При изучении обрядовой практики, связанной с рождением ребенка и колыбелью, в данной статье использовались помощь и консультация тувинцев старшего поколения, которые дополняли свое описание не только рассказами о том, как проводились обряды, связанные с рождением ребенка, и как делалась в те времена колыбель, но и о том, какую роль все это играло в повседневной жизни тувинцев.

Методология данной статьи основана на принципах историзма и объективности в понимании обрядовой практики народов Саяно-Алтая. При изучении данной проблемы использован комплексный подход с привлечением исторических, этнографических, социологических, фольклорных данных. В статье применялись следующие методы исследования:

- системный анализ, позволивший установить общую картину обрядовой практики в Туве;
- сравнительно-исторический метод, дающий возможность сравнивать общее и различия в обрядах при рождении ребенка и изготовлении колыбели у тувинцев в разных районах;
- этносоциологические методы (опрос, беседа, интервьюирование, анкетирование);
- типологический;
- структурно-функциональный.

Кроме того, в работе использовались полевой метод (работа с информантами) и фотографирование.

Материал, проанализированный в данной статье, нельзя назвать полным: описание некоторых видов колыбели дается лишь со слов информаторов, так как многие популярные в недалеком прошлом виды колыбели сейчас встречаются весьма редко, поскольку в настоящее время старинная традиционная колыбель сменилась на покупную.

Результаты исследований и их обсуждение. Описания обрядов детства и тувинской колыбели часто встречаются в тувинских источниках, где они представлены не только как элемент быта тувинцев, но и как источник изучения их материальной культуры. В частности, этим обрядам уделяли внимание в своих работах М. Б. Кенин-Лопсан [5], Л. П. Потапов [8], Г. Н. Курбатский [6], Е. В. Айыжы [1] и другие авторы. Обряды и обычаи народов Саяно-Алтая, связанные с рождением ребенка и колыбелью, отражены также в работах отечественных исследователей-этнографов В. Я. Бутанаева [2], В. П. Дьяконовой [3], Л. Э. Каруновской [4]. Но, несмотря на это, исследований, посвященных именно этой теме, в литературе мало, в источниках содержится недостаточно фактов, а существующие сведения полностью не систематизированы. В связи с этим возникает множество вопросов, связанных со значением и местом обрядов, связанных с рождением ребенка и колыбелью, в материальной культуре тувинцев.

У западных тувинцев больше всего старинных черт быта сохранилось в наиболее отдаленных и труднодоступных районах, где еще жива память о многих верованиях и обрядах, связанных с рождением и воспитанием ребенка, в основе которых лежат религиозные архаические представления. Еще в середине XX века значительная часть женщин в районах Тувы рожали дома, в условиях еще сохранившегося тогда весьма отсталого домашнего быта. Многие из рожениц не пользовались квалифицированной медицинской помощью, хотя такая помощь могла быть им оказана по первому же требованию или сигналу из медицинского пункта. Медицинская помощь при родах еще не вошла широко в быт тувинцев, так как этому противодействовали крепко укоренившиеся религиозные предрассудки. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы преодолеть многовековые обычаи и традиции и ввести в повседневный быт в таких районах медицинскую помощь [7].

Тувинская женщина рожала в юрте. Поскольку специальных акушеров, врачей не было, то помогала роженице женщина пожилого возраста, которая и перерезала пуповину новорожденного. Чаще такую почетную миссию доверяли женщинам, которые имели много детей. Называли эту женщину *хин-авай* и по статусу считали второй матерью. Во время экспедиционных работ информанты рассказывали, что *хин-авай* в роду признавалась очень почетной, авторитетной, при решении важных вопросов считались с ее мнением. Когда ребенок появлялся на свет, *хин-авай* мыла ему теплым чаем лицо, потом купала в крепко заваренном чае (считалось, что чай помогает укрепиться организму и ребенок быстро проходит процесс акклиматизации). Следующим жизненно важным этапом и для ребенка, и для роженицы считалось захоронение последа ребенка (*уруг сыртыын*). Данный обряд могла проделать либо старшая по возрасту в роду женщина, либо *хин-авай*. На определенный день она, не показывая никому, уносила послед ребенка подальше от людских мест и прятала. У жителей Западной Тувы послед ребенка закапывали внутри юрты под кроватью роженицы. Вырыв яму, клали туда кусок баранины и косточку астрагал (кажык), придавливали все это небольшим камнем и засыпали землей. Яма должна была быть неглубокой, так как считалось, что если она будет глубокой, то женщина может больше и не родить. В целом же целью данного обряда было обеспечить ребенку жизнь и здоровье.

Для пуповины ребенка шили специальный маленький мешочек из ткани, желательной красивой расцветки, и подвешивали к колыбели. Данный обряд могла проводить только *хин-авай*. Ввиду того, что тувинцы очень внимательно относились к *сулде*, *менги* (судьбе ребенка), цветовая подборка была обязательной. Отступлений от этого правила не допускали. Для новорожденной девочки это был красный цвет, для мальчика – синий. Такие мешочки привешивали либо к колыбели, либо к поясу, который носила мама ребенка. У жителей Южной Тувы пуповины родившихся детей хранили в деревянном сундучке (*антара*), стоявшем возле изголовья кровати, завернутыми в овечью чистую шерсть, куда добавляли еще несколько капель масла, а у западных тувинцев – в шелковых мешочках с пришитыми по углам бусинками.

На третий день после рождения ребенка родные проводили обряд *дой* (пир), связанный с рождением и наречением именем. В этот день приглашали всех родственников, подавалось хорошее угощение, во время которого внимательно следили за тем, чтобы кто-нибудь из присутствующих не оказался обойденным, недовольным, обиженным, так как это могло скверно отразиться на судьбе младенца. На такое торжество старались приглашать гостей, которые были многодетны. Тех же, кто еще не имеют семьи или же бездетны, старались обойти вниманием. В данном случае мы видим элементы охранительной магии. Почетную миссию имянаречения возлагали на старшего из присутствующих, независимо от того, приходился он новорожденному родственником или нет. На данный обряд обязательно пригла-

шали *хин-авай*. Во время экспедиционных работ по Южной Туве информант рассказала, что в с. Нарын Эрзинского района *хин-авай* обязательно должна присутствовать на свадьбе и высказать первое благопожелание. В свою очередь родственники одаривали ее подарками.

У тувинцев Овюрского района наречение именем также совершалось на третий день после рождения ребенка и сопровождалось пиром, празднеством. Во время экспедиции мы побывали на нескольких таких обрядах имянаречения. В первом случае слово предоставили старшему по возрасту, и он, прочитав благопожелание, дал имя ребенку. Во втором случае, когда рождался ребенок, недалеко от юрты проходил прохожий, и родственники дали новорожденному его имя. В третьем случае молодые родители находили красивое имя и просили во время *доя* дать это имя малышу. Но проведение обряда *дой* было обязательно, так как приглашение и угощение посторонних людей могло избавить новорожденного в будущем от голодной жизни.

Торжество (*дой*) начиналось поздним утром, в так называемый малый полдень по солнцу. Обряд совершался следующим образом: *хин-авай* мыла новорожденного крепким соленым теплым чаем с добавлением в него *артыш* (можжевельника). После этого в шкурку, на которой мыла младенца, клала *чалама* (цветные куски ленточек), чаще всего привезенные из *хурээ*, благословленные ламой, и, завернув их вместе со шкуркой, на которой родился ребенок, вместе с последом уносила в лес. Затем на том месте, где мыли ребенка, жгли можжевельник, ставили мясо и молочную еду. Далее все присутствующие на данном торжестве дарили подарки новорожденному. Кстати, на данном обряде родственники старались дарить скот, чтобы к совершеннолетию в хозяйстве будущего хозяина имелась своя собственность.

Мальчик или девочка, получившие в подарок при имянаречении скот, сохраняли свою собственность до брачного возраста, обзаведения собственной семьей. Иногда устаревшего подаренного барана кололи на мясо, а отец мальчика заменял барана овцой. Закальваемых животных из стада все время заменяли, и таким образом стадо росло. К моменту женитьбы юноша имел свое стадо овец, а когда женился и отделялся от отца, забирал этот скот с собой.

Большой заботой тувинской семьи было сохранение здоровья ребенка. В суровых кочевых условиях смертность детей в раннем возрасте была высокой, так как были широко распространены различные болезни. Среди населения бытовали самые нелепые поверья о причинах заболевания и способах охранения ребенка от злых духов, сглаза.

В Туве была широко распространена вера в различные обереги и магические средства, будто бы охраняющие здоровье ребенка. Например, если замечали, что ребенок заболел, ему на шею надевали на ленточке *чонга* (раковину каури) и верили, что она может защитить ребенка от болезни. Сплошь и рядом при болезни детей обращались с мольбами и угощениями к домашним духам-покровителям (*кээренам*).

Был еще один способ борьбы с детской смертностью: дать ребенку плохое имя, например плохой мальчик (*багай-оол*). Родители полагали, что такое имя не привлечет внимание злых духов к ребенку. Иногда, посоветовавшись с ламой, они прибегали еще к запрету входа в их жилище (юрту) посторонним людям, за исключением *хин-авай*. Этот запрет длился 2–3 года, его соблюдали строго и неукоснительно, даже заводили злую собаку, которую приучали лежать у двери юрты.

Характерно, что если запрет был длительным и ребенок настолько подрастал, что уже хорошо бегал и играл с детьми, этому ребенку не возбранялось ходить в другие юрты.

Раньше было еще такое поверье, которого многие придерживались. Если вечером нужно было с ребенком выйти из юрты или сходить в гости в другую юрту, то младенцу мазали нос сажей из котла. А если нужно было днем пройти с ребенком через то место, где недавно умер человек, то и в этом случае мазали лицо ребенка сажей.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что тувинцы были очень суеверны. Такое положение следует признать вполне естественным, принимая во внимание отсталость народа в прошлом. Отсутствие письменности, образования и просвещения весьма облегчало распространение и укоренение религиозных верований среди тувинцев. Все указанное наложило сильный отпечаток на их повседневный быт.

До сегодняшнего дня у тувинцев считается плохой приметой приносить колыбель в дом до рождения ребенка. Качать пустую колыбель было запрещено, так как считали, что в пустой колыбели качаются злые духи. Кроме того, в колыбель клали защитные амулеты против злых духов.

Все обряды, связанные с жизненными циклами тувинцев, соблюдались неукоснительно. Так, колыбель устанавливала родственные связи между членами семьи и ребенком. После рождения первенца мужчина семьи – отец ребенка, либо дедушка, либо дядя по матери – делал для младенца первое «жилище», колыбельку. Или же для изготовления колыбели выбирали пожилого и уважаемого человека, который имел много детей.

Колыбель в представлениях тувинцев – это не просто место, где ребенок может спать, а его своеобразное «жилище». Поэтому при ее изготовлении соблюдались некоторые обряды. Кроме того, колыбель служила не одному ребенку, а целому поколению детей [3].

Для колыбели предпочтительнее были деревья из рода легких и светлых, то есть тополь, черемуха и тальник. Они хорошо гнулись и не рассыхались. Делать колыбели из березы было нельзя, так как береза быстро гниет.

Дно колыбели (*кавайнын дуву*) делали разреженным. Его изготавливали из трех или четырех жердей, которые крепко закреплялись с двух сторон. Такое изготовление способствовало тому, что дно колыбели было легким и крепким.

Боковые стенки колыбели (*кавайнын чаагы*), что означает «щеки колыбели», представляли собой две широкие дощечки, закрепленные с двух сторон. Они предназначались для защиты ребенка. Например, при падении колыбели с коня боковые стенки защищали ребенка от удара. В прежние времена тувинцы украшали боковые стенки колыбели различными национальными узорами [8].

Для того чтобы ребенок не задохнулся и не припекло солнце, а также для защиты от насекомых необходимо было своего рода покрывало (*угек азы шывыг*). Для этого тувинцы использовали хорошо выделанную шкуру ягненка, которой накрывали изголовье колыбели.

Под низ ребенка клали берестяную чашечку (*одек ыяжсы азы сунмек (тожунек)*). Обычно ее изготавливали из обработанной березовой бересты или выделанной шкуры быка. В нее насыпали сухой овечий навоз (*уруг одээ*), либо сухую кедровую хвою, либо опилки сухого муравейника, которые обладают гигроскопическими свойствами. Это способствовало впитыванию жидкости, не оставляло сырости и поэтому предохраняло ребенка от болезней почек и мочевого пузыря и спасало от опрелостей.

Под грудной клеткой ребенка в колыбели находились высушенные перекладыны (*кырыктааштар азы сайгыттар*) шириной 2 см и длиной 12 см. С каждой стороны колыбели было по три-четыре перекладыны. Они способствовали тому, чтобы голова ребенка не искривилась, грудная клетка не сужалась. Между собой перекладыны были связаны тонкими веревочками. Считалось, для развития костей ребенка эти перекладыны имели важное значение.

Детские пеленки (*уруг чоргээ*) тувинцы изготавливали из хорошо выделанных кусочков овечьих шкур. Такие пеленки защищали ребенка от сырости и холода. К частой смене пеленок тувинцы относились очень серьезно, так как считали, что ребенок должен быть постоянно сухим.

На передней нижней стенке колыбели (под ногами ребенка) делались два отверстия, на которые закреплялись тонкие ремешки для раскачивания (*аадар баг*). Ребенок, достигший пяти лет, мог держаться за эти ремешки и качать колыбель новорожденного. Если в семье детей старше пяти лет не было, то мать новорожденного цепляла ремешок к своей обуви и качала колыбель ногой. Таким образом она могла присматривать за ребенком и параллельно заниматься домашними делами.

Над изголовьем колыбели подвешивали маленький мешочек из шелка (*хин хавы*), в котором зашивали пуповину ребенка. Количество висевших мешочков над колыбелью было равно количеству детей, родившихся в этой семье. Пуповины умерших детей также висели вместе с другими. Эти маленькие мешочки с пуповиной были похожи на миниатюрные подушечки, поэтому назывались *сыртыкчыгаи*.

Для связки перекладин предназначались тонкие и мягкие ремешки (*кырыктааи баа*). На эти ремешки нанизывались перекладки, после чего прикреплялись к колыбели.

С двух сторон колыбели применялась закрытая шнуровка (*мунгаи шидиг*) в виде цепи, имевшей с каждой стороны по три звена.

Для сообщения и связи с закрытой шнуровкой применялась длинная шнуровка (*узун шидиг*), которая вязалась очень осторожно. Количество длинной и закрытой шнуровок должно было совпадать. Обе указанные шнуровки начинались от груди и доходили до самых пяток ребенка. Эти шнуры продевались через боковые стенки колыбели и шнуровали ими ребенка поверх пеленок.

Колыбель с ребенком у тувинцев подвешивалась к верхнему перекрытию юрты. При этом креплением к потолку служил крючок (*ааткыиш*), который аккуратно вырезался из кедра, ели или березы. Некоторые умелые кузнецы изготавливали такой крючок из железа. Крючки для колыбели делали в виде конской или бараньей головы.

Для того чтобы колыбель висела крепко, необходимо было надежное крепление для крючка (*ааткыиш баа*). Обычно это был узел из прочного материала.

Крючок обычно закреплялся между кроватью и *аптарой* (национальным сундуком). Это место (*ааткыишты азар чери*) являлось самым удобным для качания колыбели.

Тувинцы оберегали детей от сырости. Для этого они вырезали мягкий войлок (*кавай кидизи*) размером с дно колыбели (войлок защищал от сырости) и клали его под ребенка. Время от времени войлок меняли. В семьях, где войлок достать было трудно, подстилали шкуру барана или козы.

Тувинцы в старину под головку новорожденного помещали выделанную шкуру ягненка, которая служила подушечкой (*чомег*). Считалось, что мягкая шерсть способствует развитию хорошего слуха и красивой формы головы. Было поверье, что человек с кривой формой головы часто падал с коня.

Под лопатки ребенка тувинцы подкладывали мешочек из белой материи с овечьей шерстью внутри (*артаи*). Считалось, что спинка ребенка так не будет уставать и позвоночник не искривится.

Из мягкого войлока вырезали прямоугольную форму, которую подкладывали под ребенка. Такой войлок (*ужа кидизи*) защищал почки и мочевой пузырь ребенка от различных болезней.

Под ягодицы ребенка подкладывали волос (шерсть) (*ужа хылы*). Насыпав в берестяную чашечку сухой навоз (*уруг одээ*), поверх него помещали козью шерсть (волос), которая защищала ягодицы ребенка от опрелостей. Когда ребенок мочился, то вся жидкость стекала под эту шерсть и собиралась в чашке, поэтому ребенок всегда был сухим.

Ножки ребенка оборачивали в продолговатый войлок (*бучан ораар кидис*). Такой войлок защищал ноги от мороза.

Для того чтобы при испражнении ребенка не намочила передняя часть пеленки, использовали козий волос (*иче базырар хыл*), который прикладывали спереди. Он подавлял высокую струю, и вся жидкость стекала вниз.

Чтобы пупок ребенка не выступал, к нему прикладывали мягкий волос (*хин базырар хыл*). В случае отсутствия волоса использовали чистую материю. Этот волос не убивали до тех пор, пока пупок не заживал.

В колыбели детей тувинцев обязательно висела игрушка, покрытая шерстью, похожая на человека, – чучело-оберег (*уруг куьду*). До того как повесить на колыбель, чучело заговаривали шаманы. Его вешали над изголовьем ребенка. Такие игрушки шили из беличьей шкуры. Считалось, что такого рода амулеты оберегали ребенка.

Мешочек для чучело-оберега (*уруг куьдунуц угээ*) вывешивали дном вверх. В прежние времена такие мешочки украшали бисером и различными узорами и верили, что мешочек защищает чучело-оберег от злых напастей.

Из кожи молодого бычка или козы тувинцы делали две прочные веревки (*кавайнын ааткыышка артылдырар баа*), которые ровно прикреплялись с четырех сторон к колыбели. При помощи этих веревок колыбель вешали на крючок, закрепленный к верхнему перекрытию юрты.

Резюме. Исходя из изученного, следует отметить, что обряды, связанные с рождением ребенка, его имянаречением, первым его «жилищем» – колыбелью, являются важными фактами этнографической действительности быта тувинцев. Описание структуры колыбели и ее видов воссоздает полную картину народного этикета, а колыбельные песни характеризуют народный фольклор. В настоящее время у молодого поколения вызывает большой интерес реконструкция некоторых явлений традиционной культуры, в том числе народных обрядов, связанных с рождением ребенка. В некоторых домах в избранных районах Тувы можно увидеть тувинскую национальную колыбель, хотя и с новшествами в конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айыжы, Е. В. Тувинцы Монголии (к историографии вопроса) / Е. В. Айыжы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 3–8.
2. Бутанаев, В. Я. Воспитание маленьких детей у хакасов / В. Бутанаев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири : сб. научных трудов. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1988. – С. 206–220.
3. Дьяконова, В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов / В. П. Дьяконова // Традиционное воспитание у народов Сибири. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1988. – С. 152.
4. Каруновская, Л. Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком / Л. Э. Каруновская // Сборник МАЭ. Т. 6. – Л. : Изд-во Российской академии наук, 1927. – С. 19–26.
5. Кенин-Лопсан, М. Тыва улустун эт-херекселдери / М. Кенин-Лопсан // Башкы. – 1994. – № 1(7). – С. 64–71.
6. Курбатский, Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре / Г. Н. Курбатский. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2001. – 464 с.
7. Кустова, Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов / Ю. Г. Кустова. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. – 158 с.
8. Потапов, Л. П. Очерки народного быта тувинцев / Л. П. Потапов. – М. : Наука, 1969. – 402 с.